

ТАЙНЫЕ СИЛЫ, ВСЯКИЕ ЧУДЕСА

рассказы

Олег РЯБОВ

г. Нижний Новгород

ЧЕЛОВЕК ИЗ ФИЛАРМОНИИ

Солнце садилось в огромную бездонную тучу, расплескивая по небу багровые брызги. Там, за Волгой, за мостом, возможно где-то уже в Сормове, в грохоте раскатов грома и беспрестанных всполохах молний бушевала гроза. Густая черная туча очень быстро наползала на город, погружая его в полумрак.

Человек стоял в центре кремля, на самом венце волжского откоса, напротив входа в концертный зал филармонии, и любовался величественным явлением природы. На нем были помятые вылинявшие брюки, которые когда-то, скорее всего, были бежевыми, такие же бесцветные, будто пыльные, летние туфли и трикотажная бобочка¹ ядовитого канареечного цвета.

Концерт должен был начаться с минуты на минуту, и человек вынужденно отказался от личной встречи с грозой. А ведь любопытно было посмотреть, сумеет ли она перебраться через реку или все же, как это часто случается, прольется ливнем там, за рекой: для грозовых туч реки часто становятся неодолимой преградой.

Когда упали первые капли, человек уже входил в зал вместе с другими посетителями.

Это был не официально запланированный концерт, а общественное прослушивание нового, только что созданного преподавателями консерватории дуэта из виолончели и аккордеона. Присутствовали не только профессиональные музыканты и критики, но и представители об-

¹ Бобочка – мужская рубашка с коротким рукавом, обычно спортивного стиля.

щественности, которые должны были высказать свое мнение, — их было немного.

Само выступление, плоское и невыразительное, продлилось не больше часа. Барышня с виолончелью выглядела чересчур эротично: ее широко расставленные икристые ноги и энергичная работа смычком отвлекали внимание от огрехов в извлечении звуков. Профессор, работавший аккордеоном, был откровенно стар — давно пора на пенсию.

Выйдя из душевного зала, зарекомендовавшего себя храмом музыки, человек сразу ощутил свежесть волжского воздуха, насыщенного озоном, с добавкой какой-то новой ноты — запаха прелых листьев. Наверное, это был намек на приближение осени. Хотя какая осень, если еще только начало августа?..

Около луж бродили голуби, и было件нятно, что ни грозы, ни какого-то очень уж сильного ливня за это время не случилось: на лавках вдоль аллеи сидели гуляющие мамы с колясками и детишками, а еще старушки, забывшие про свой возраст. Да и лужи-то были небольшие, подсыхающие.

— Миша! — послышалось довольно отчетливо и громко.

Человек из филармонии даже вздрогнул, а может, вспрянул.

На скамеечке сидели две карикатурного вида дамы в годах, в каких-то совершенно убогих нарядах. В магазинах такого не купишь и на заказ ни одна портниха уже не сошьет: эти предметы женского туалета можно отыскать только на реквизиторских складах больших столичных театров да, возможно, на киностудиях. Гипюровые кофточки с кружевными накладными воротниками, небольшие шляпки с перышками каких-то райских птиц, маленькие ридикюльчики необыкновенных форм то ли из замши, то ли шелковые и, конечно, кремовые тонкие перчатки.

Лица старушек были деформированы временем, но именно это их и сближало, превращая в некое неразделимое единство — этакий урюк, сваренный в компоте и вынутый из него, — хотя одна из старушек была курноса, а у второй — нос крючком.

Человек из филармонии остановился и вежливо поклонился дамам.

— Миша, ты что, меня не узнаешь? — воскликнула одна.

— Что вы, Эльвира Степановна, конечно, узнаю! И очень даже рад видеть вас в полном здравии! — ответил он.

— Ты что, Миша, тоже ходил слушать этот шалман? И, пожалуйста, зови меня Эллой, как в молодости, а то мне неудобно! И, пожалуйста, посиди с нами.

— Хорошо, Элла! — кивнул человек. — Только посидеть я не смогу. У меня, как и у вас, свой режим: я должен сейчас в темпе пройти три километра. А представление это... Так да, я присутствовал. Меня просили — я пришел. А еще меня попросили высказать мнение, но я не стал...

— А каково же твое мнение? — спросила Элла.

— А у меня нет мнения. Ну не может у меня быть мнения о работе двигателя внутреннего сгорания, и мнения по поводу урожая пшеницы в этом году у меня тоже нет. Правда, у меня может быть прогноз на грозу, и она сегодня будет. У меня может быть мнение о музыке или о работе концертмейстера, а тут... Тут не было ни того, ни другого — и я ушел.

— Вот так! Ну и правильно! А вот мы даже и не ходили, — сказала Элла и переключила тему: — Миша, а почему я тебя столько лет не видела? Ты где был?

— Меня здесь не было, Эля. Жил я далеко-далеко. Даже не жил, а был.

— А чем ты сейчас занимаешься?

— Я? — на мгновение запнулся человек. — Я управляю грозами, ливнями, дождями и всякой прочей погодой. Понадобится — звони, помогу!

— Удивительно! Это прогноз погоды, что ли, на метеостанции? Мы с тобой не виделись лет сорок. А ведь у нас с тобой был почти что роман!

— Да, Эля, было! — ответил человек. — Последний раз мы виделись, когда вместе работали у Геннадия Рождественского на исполнении первой симфонии Шнитке. Мы с тобой в тот вечер даже целовались...

— Ну-ну-ну!.. — Элла улыбалась.

— Ладно. Я побегу!..

— Беги. А будет хорошая погода — заходи сюда: мы с Машей часто по вечерам здесь гуляем. Миша, еще постой! — вдруг спохватилась старушка. — И все же ты мне кого-то очень сильно напоминаешь... Напомни, кого!

— Нет-нет-нет! Эля, ты ошибаешься! Это я — Миша, и больше никто! А вот с погодой и правда смогу помочь, — улыбнулся он.

Человек из филармонии развернулся на каблучках и удалился. И был он высок, строен, и походка его была противоестественно моложава.

— А ты знаешь, Маша, я ведь когда-то была в него влюблена! — призналась Элла подруге. — Я не старая дева, у меня есть дети и внуки, а влюблена я была только раз в жизни. Вот в него я была, как дура, влюблена. Но, наверное, все девушки, которые в кого-то когда-то влюблялись, — дуры! Нет? Вот ты влюблялась?

— Может быть... Не помню, — отозвалась Маша. — Я, знаешь ли, и этого твоего Мишу не помню. Я ведь тоже работала на том замечательном концерте. Мы же с тобой рядом сидели, а его вот не помню. Да и концерт-то почти не помню. Это что — деменция или Альцгеймер?

— А при чем тут это? — несколько возмутилась Элла. — И что особенного, если не помнишь, Маша, — больше сорока лет прошло. А Миша работал за вторым роялем. Любопытного там было много... в этой первой симфонии Шнитке. Альфред Шнитке посвятил свою симфонию Геннадию Рождественскому, и тот вынужден был дирижировать премьеру. А только ни в Москве, ни в Ленинграде не дали ему возможности это сделать, несмотря на его очень уже высокий статус, — попросту запретили. Тогда он решил сделать премьеру у нас, в Горьком. Мама Геннадия Рождественского из нашего города, она родилась в Нижнем Новгороде еще до революции. Так что наш город Рождественскому был почти что родной, и все наши нижегородские Рождественские — его родственники. А вот адмирал Рождественский, который с Цусимой оскандалился, — тот ему только однофамилец. В общем, все сложилось удачно в этом плане. Это потом, после премьеры, понимали тут все городское руководство культурное, и все из-за того, что ажиотаж был совершенно вселенского масштаба.

— Не помню я что-то такого. И чего там ажиотажничать-то было? — спросила Маша.

— Концерт наш, — стала рассказывать Элла, — начинался «Прощальной симфонией» Гайдна, где музыканты уходят со сцены, гася свечи в знак недовольства своими бытовыми условиями. Чем

уж в восемнадцатом веке они были недовольны, не знаю... А что концерт должен был стать вызовом культурной общественности, властям, — об этом говорили заранее, еще до премьеры.

— А, — спохватилась подруга, — как мы свечи гасили, и я помню!

— Маша, а то, что симфонию Шнитке должен был играть полный симфонический оркестр, — это ты разве не помнишь? — повернув голову, Элла даже заглянула в лицо подруге. — Симфонический оркестр — это сто десять музыкантов, а у нас в городе все оркестры — половинки: по пятьдесят, по пятьдесят пять. Да и почти во всех провинциальных городах половинки. Пришлось из двух оркестров составлять полный — из оперного и филармонического, которым руководил Гусман Израиль Борисович. На сцене чуть ли не на головах сидели. У Шнитке должны были по партитуре работать четыре арфы, а у нас во всем городе нашлось только три приличные, четвертую пришлось из Арзамаса привозить. Вставки и проигрыши импровизировал джаз-оркестр Георгия Гараняна, сейшены он эдакие устраивал!.. Выскакивали они на сцену как черти! Геннадий Николаевич много лет спустя в интервью каком-то проговорился, что была бы в то время группа «Звуки Му» с Петей Мамоновым и Сашей Липницким, он их тоже выпустил бы в тот вечер на сцену.

— Господи, как давно все это было, как прекрасно!.. А я уже ничего не помню! — призналась Маша.

Человек из филармонии легкой спортивной походкой передвигался по городу, используя для своих маневров известные одному ему переулки и проходные дворы. Он с какой-то артистической ловкостью запархивал в эти трупобобразные городские скважины и так же легко проносился по ним. Очень скоро он оказался на Гребешке — в районе, где еще сохранились, хотя и полуразвалившиеся уже, старые деревянные и полукаменные купеческие особняки дореволюционной постройки.

Около одного из таких строений с совсем уже обрушившейся верандой и покосившейся башенкой для флюгера на крыше человек из филармонии остановился, перевел дух. Он приподнял склонившуюся до земли ветку старой сирени

и, нагнувшись, прошел под ней и по вымощенной дорожке направился к дому. Обойдя его, у самого обрыва, над рекой, человек сел на чудом еще не сданную в металлолом чугунную скамейку и замер. Потом он поднялся — так ему легче было медитировать.

Он снова стоял над Волгой, над Окой, над белостенным Благовещенским монастырем. На Стрелке сиял храм Александра Невского, а дальше над горизонтом, снова пряча от мира уже заходящее солнце, опасной зверюгой притаилась плоская ночная черная туча. Она будто замерла в ожидании своей минуты.

Человек из филармонии, достав из кармана ключ, спустился по ажурной чугунной лестнице в подвал того загадочного домика, открыл дверь и по длинному темному коридору, на ощупь, опять спускаясь по каким-то ступеням, прошел наконец к цели.

Это был небольшой зал: метров пятьдесят. Он хорошо освещался десятком больших канделябров, скорее даже их можно было назвать шандалами. На полу — вытертые ковры, на стенах висели темными пятнами картины в золоченых, покрытых патиной, массивных рамах. В камине горели добротные березовые дрова. На столе стояли бутылки, несколько чистых фужеров и ваза с фруктами.

Хозяин — а это можно было уже без труда определить — подошел к камину и без особой надобности зачем-то подложил в огонь еще одно полено. Потом он, так же не торопясь, внимательно рассматривал этикетки на бутылках с вином, налил себе в фужер.

— Ну вот вроде и все! Пора!

И в тот же миг вместе с оглушающим ударом грома в башенку для флюгера, покосившуюся на крыше дома, ударила молния. Домик, похожий теперь больше на бумажную картинку, будто материализованный из старой детской сказки, вспыхнул весь сразу, словно скомканная газета.

Пожарные работники приехали очень быстро, но все равно было поздно. Они неуклюже бродили в своих брезентовых «средневековых латах» среди головешек, качали головами в маскарадных тяжелых касках и удивлялись, что все так быстро и хорошо прогорело: даже пожарные рукава разворачивать не надо было.

ОШИБКА ГЕРАКЛА

Когда я эту историю, а точнее даже простейший жизненный случай, впервые пересказал своему хорошему товарищу, тот меня носом ткнул в рассказ О. Генри «Персики», хотя там дело происходит в Америке, в самом что ни на есть огромном и грохочущем Нью-Йорке, а тут — какой-то районный центр с подозрительным названием Воротынь. Но беззаботность, даже безалаберность женщин и целеустремленность, граничащая с безрассудством, мужчин в определенных ситуациях не зависят от социального положения, национальности и точки на карте.

Геркл Семенович Лютыи, а для друзей просто Герка, а иногда и Жора, к тридцати годам ухватил кого-то на небе за бороду и устроился в престижную фирму «Матадор», торговавшую исключительно дорогими английскими автомобилями, — это значит «Ягуарами» и «Ленд Роверами». Конечно, он был безусловно классным, даже талантливым механиком, способным отремонтировать и пылесос, и дизель-генератор, и любой автомобиль, сошедший с конвейера в двадцатом веке.

С новыми автомобилями, где много всякой компьютерной электроники, управляться ему было сложнее. Герка стоял минут пятнадцать-двадцать рядом, а только потом, радостно улыбнувшись, шептал: «Понял!» После этого, достав из кармана гаечный ключ, Герка лез куда-то внутрь машины. А ключ четырнадцать на семнадцать у него в кармане был всегда.

Надо сказать, что ему удалось вовремя и очень удачно продать бабушкин, постройки девятнадцатого века, полукирпичный дом в деревне, а точнее в его родной Воротыни, и купить однокомнатную квартиру в областном центре. Теперь он приезжал к себе на родину, к своей зазнобе Тamarочке Будылиной, как король городской и делал это с завидной регулярностью — раз в неделю. Дело шло к свадьбе.

Роста Герка невеликого, но зато был крепким, жилистым и словно каким-то железным.

Особенно железными, прямо-таки стальными, были у него руки и, точнее, ладони. Когда гайка, заржавевшая и заварившаяся от времени, гаечному ключу не поддавалась, он пальцами ее всегда отворачивал.

Тамара была на пять лет моложе Герки, но замуж уже сходил, ребеночка народила, сдала его на воспитание своей маменьке в совсем уж дальнюю деревню. Так что пребывала она теперь в свободном полете, смущая этим все свое голодное мужское окружение, — работала Тамара поварихой в придорожном кафе «Отдых».

В тот злосчастный день, о котором я хочу рассказать, Герка приехал в Воротынь на своем собственном маленьком кроссовере «Судзуки — Самурай». Планы у него были самые грандиозные: он собирался сделать Тамаре официальное предложение. Хотя на самом деле не совсем так: предложение было сделано уже давно, а он ехал получать положительный ответ. На заднем сиденье машины лежали букет крупных и красивых ромашек, выросших, наверное, в далекой Голландии, бутылка массандровского «Кокура» и коробка конфет «Белочка».

В общем, в ту пятницу Герка явился к своей Тamarочке на дом во всеоружии и полный решимости. Она жила почти в центре поселка, в четырехэтажной «брежневке». Не буду расписывать ее скромную однокомнатную квартиру на втором этаже.

Тамарочка его ждала с осторожностью, и тому была причина.

После первых же объятий и поцелуев в полумраке прихожей, отстранив свою ненаглядную и осмотрев ее внимательнее, Герка удивился: правый глаз Тамарочки выглядел значительно больше и круглее левого — точнее, он таким казался из-за большого-большого расплывшегося синяка, совсем Тамару не украшавшего.

Она стояла перед женихом в коротеньком ситцевом халатике, и Герка без труда разглядел еще и два больших, уже почерневших синяка на ее руках.

— Кто это тебя так? — спросил Геракл у Тамарочки полупшепотом.

— Это вчера... Это Валька! — всхлипнула Тамарочка. — Он полез ко мне. Я ему говорила, что замуж выхожу, а он мне талдычит, что, по-

ка я свободная, все можно. Я ему — пощечину, а он мне врезал.

И тут Тамарочка зарыдала, а точнее завывала, вскинув голову к потолку. Она по-женски догадалась, что в таком виде Герка замуж ее уже ни за что не возьмет.

А Герка тем временем, поставив бутылку на стол и бросив ромашки с конфетами на диван, решительно выскочил на улицу.

Понятно, что Валька мог быть только один... Валька Шебеко, Геркин одноклассник, с которым вместе уходили в армию, вместе и вернулись, а потом еще полгода колобродили по поселку, пока все само собой не образовалось: Геракл уехал работать в город, а Валька отправился в тюрьму на три года за хулиганку. В общем, Герке тогда несказанно повезло, что «отдыхать» отправились они не вместе.

Вечерело. Герка к Валентину отправился пешком. В таких небольших поселках, как Воротынь, все рядом, все под рукой, и все про всех знают. Валька жил хоть и не на другом конце, но, пока Герка, поторапливаясь, почти бежал к нему, здороваясь с каждым вторым, ему удалось выяснить, что Шебеко уже успел в этот день отличиться в кафе и теперь отдыхает в отделении милиции. Так что можно было не торопиться к нему домой, и в кафе можно было не торопиться, а надо было двигать прямо в милицию.

И кафе, и милиция находились в одном здании — в центре, на площади. Называлось это здание у местных Домом на Площади; построен был он еще до революции местным купцом и благотелем, о котором складывались легенды, и размещались в доме одновременно милиция, поселковая администрация, библиотека, а также пара магазинов и кафе. Вот такие бывают дома в наших райцентрах.

А еще в таких небольших поселках, как Воротынь, на ответственных постах и во всех знаковых местах удобно устраиваются на службе либо чьи-то родственники, либо очень хорошие знакомые самых близких родственников, что в результате ничего не меняет.

Начальника милиции, Николая Николаевича Сизова, Герка хорошо знал. Но рабочий день даже у начальника милиции уже закончился, и в отделении дежурил младший лейте-

нант Колька Сизов — племянник Николая Николаевича.

— Здорово, Жора, — приветствовал младший лейтенант Геракла Лютого. — Каким ветром тебя занесло в наш богоспасаемый городок?

— Привет, Николай. Потом расскажу, — отвечал Герка. — А лучше ты мне сначала поведай, не у тебя ли отдыхает сегодня Валька Шебеко?

— У меня. Вон он... в обезьяннике спит. Я ему даже половичок бросил, у Рекса нашего из колуры вытащил. А зачем он тебе?

— Николай, отдай мне его, он мне сегодня очень нужен. Я с ним поговорить должен один на один и очень серьезно.

— А ты не убьешь его прямо здесь? А то мне спать уже хочется, а тут хлопот с вами потом не оберешься... Уж больно глаза у тебя бешеные...

— Не убью, — пообещал Герка.

— Тогда беги за вином, — велел Колька.

— А тебе какого? Водка, коньяк?

— Не-а! Шампанского пару бутылок неси французского. Называется это шампанское «Евгений Третий», итальянское «Мондоро» не бери. Я только шампанское теперь пью — вкусно, и не пьянеешь с бутылки. В «Отдыхе» на трассе шампанского французского нет. Сходи в новый ресторанчик, что на площади, в центре. У них есть. Скажешь, что для меня. А вообще-то, стой! — спохватился Коля. — А зачем тебе Валентин?

— Какой ты дотошный, Коля... — Герка покачал головой. — Я же жениться собираюсь, ты знаешь. Так вот хочу, чтобы свидетелем у меня на свадьбе был Валентин. Да шучу я, — усмехнулся Лютый. — И вообще, какое тебе дело, если я уже за вином пошел?

— Так ты женишься-то на Тamarке, что ли? — догадался Колька. — Ну, правильно, Валька ж родственник!

— При чем тут родственник? Просто я с ним в армии служил, а не видел его уже столько лет. Надо мне его помыть, почистить, привести в порядок. Так что нужен мне Валька Шебеко срочно.

— Ладно, — отстал с расспросами Колька. — Давай, Жора, беги за вином.

Но теперь Герка не спешил:

— Подожди, — сказал. — Покажи мне сначала Валентина. Может, он действительно ниче-

го не соображает, а я его на себе, что ли, домой-то попру?

Младший лейтенант отпер дверь в обезьянник и растолкал спящего.

— Валентин, домой пойдешь? — спросил он у задержанного.

— Пойду. А с кем? — тот со сна тяжело ворочал языком.

— Вон за тобой будущий родственник пришел.

Тут Валентин наконец-то разглядел стоящего рядом с младшим лейтенантом Герку.

— Ой, Жора! Ты за мной? — обрадовался Валька.

— За тобой, за тобой!.. — подтвердил Герка. — Давай продирай глаза. Я быстренько за вином для лейтенанта сбегая — и пойдём домой.

Французское шампанское оказалось очень дорогим — по тысяче рублей за бутылку. Но Герка о деньгах уже не думал — он предвкушал расправу. Каково же было его изумление, когда, вернувшись в отдел, он увидел Валентина уже сидящим на крыльчке райотдела, болтающего и покуривающего вместе с младшим лейтенантом.

Внутри у Герки кипело, и он боялся, как бы не выплеснулось все наружу прямо здесь.

— Держи свое вино! А мы пошли! — Герка протянул обе бутылки шампанского младшему лейтенанту.

— Поставь там, в кабинете, на стол. Я пока докурю, — махнул рукой дежурный милиционер Гераклу Лютому. — А потом и забирай своего пьяницу. Нам же меньше дел.

Валентин что-то радостно говорил Герке про грядущую свадьбу, оживленно жестикулируя, похихатывая сам над своими шутками, пока они шли от райотдела до угла. Герка не слушал, внутри у него по-прежнему все клокотало — он шел, стиснув зубы. Но, как только свернули за угол...

Валентин был почти на голову выше Герки. Остановившись за углом, откуда не был виден вход в райотдел милиции, Лютый аккуратно поставил, как чучело, Валентина пред собой и ударил его кулаком в живот, а потом сразу с правой куда-то то ли в челюсть, то ли в шею.

Валентин от этих двух ударов не упал, несмотря на плачевное свое состояние, а потому и

Герка никакого удовлетворения сразу и не получил. Пришлось ему вмазать Вальке еще раз — уже слева и по зубам. Герка почувствовал, как что-то хрустнуло у Валентина — понял, что выбил тому зуб, а может, даже и пару. Сразу полегчало, жалко стало армейского товарища, жалко денег, которые выбросил на шампанское, жалко Тamarку, которая вся в синяках дожидается его.

Было уже темно, когда Герка пробирался по знакомым темным улочкам и огородам родного городка к своей ненаглядной, потирая разбитые в кровь костяшки прославленного железного кулака. Только звезды видели в этот момент Геракла Семеновича Лютого, и они ехидно улыбались.

Тамарочка нога на ногу сидела на диване все в том же своем легкомысленном халатике и курила.

— Уделал я Вальку Шебеко, ухайдакал его на больницу, — доложил Герка Тамарочке своей, — и челюсть сломал, и зубы выбил. В больнице он сейчас, наверное, отдыхает, и еще с недельку рот не откроет, кисель через трубочку сосать будет.

— Ты что, Жорочка? Какой Шебеко? Ты что, Вальку Шебеко побил?! Валька Шебеко — мой дядька родной! Он должен быть свидетелем на нашей свадьбе! Я его уговорила уже. А что теперь?!

— А что теперь? — повторил за ней Геракл. — Он что, и дальше тебя лапать будет, когда мы поженемся?! Мы с Валькой — друзья, служили вместе, но я ему не позволю!..

— Жорочка, ты все попутал, — перебила Тамара, — лапал меня Валька Турутин. Ты не знаешь его. Он шофер-дальнобойщик, вчера в рейс ушел. А за меня не беспокойся: я, как замуж выйду, сама его уделаю — больше он меня не полапает.

КОТ БАЮН НА ЧЕРНЫШКЕ

Стоит посмотреть ему в глаза, и сразу же становится понятно, что этот кот непростой: во-первых, один глаз у него косит, а во-вторых, он умеет в нужный момент подмигивать. Сначала он слушает тебя внимательно, а потом подмигнет хитро так и зевнет во всю пасть; при том из пасти у него всегда рыбой пахнет. И еще: он сам про себя не помнит, какого должен быть размера. То есть перед встречей со мной он как-то специально материализуется, но не очень старательно: то он огромным каким-то выглядит, ну прямо как здоровенный камышовый кот, а то и на котенка небольшого смахивает. Или мне просто так кажется всегда. Шерсть у него негустая, но очень жесткая, цвета болотного хаки и с темными тигровыми полосами. А вот зовут его почему-то Черныш, живет он на другом порядке, у тети Пани, но часто не ночует дома. Иногда, и чаще такое случается летом, он пропадает на несколько дней, а то и на неделю может в лес уйти загулять.

Когда я приезжаю к себе на дачу поработать над текстом или просто побродить по лесу за грибами-ягодами, или на рыбалку с друзьями, он непременно приходит встречать меня, и даже если к моему приезду он немного и опаздывает, то потом обязательно поприветствует. Делает он это необычным образом: с ходу вспрыгивает на плечо, трется ухом о мое ухо и шепчет: «Привет!» Да-да! Причем если присутствуют посторонние, он этого интима себе не позволяет: дожидается, когда мы останемся вдвоем. А вообще, в наших отношениях никакого амикошонства, даже следа никогда не было — серьезные были отношения.

Никто не знает, что Черныш и есть тот самый настоящий кот Баюн. Тот самый, который у Лукоморья по золотой цепи вокруг заповедного дуба когда-то бродил и байки рассказывал. Я очень доволен, что он ко мне приходит. Александр Сергеевич, по всей вероятности, с ним тоже был знаком и услугами его пользовался. Только ведь байки байками, и то,

что убаюкивать детей они, настоящие взрослые большие коты, хорошо умеют, и то, что лечебными свойствами обладают их песни-мурлыканья, всем очень хорошо знакомо. Вот, к примеру, живот у тебя заболит, пристройшься ты на лавку или на диван, чтобы в себя прийти, а кот тут же на тебя уляжется и мурлыкать начнет, лапами с когтями перебирать — все болячки проходят.

Только мало кто знает, как кот Баюн часенко в лесу сам по себе один живет-поживает, когда он от глаз людских хоронится. Ведь и дом тети Пани, и мои с ним дружеские общения у меня на даче, когда я приезжаю, — лишь вторичные, наносные и противоестественные образы его жизни. Настоящая жизнь кота Баюна проходит в лесу, там его настоящий дом. Мало кто про то знает, а мне пришлось однажды с ним в лесу столкнуться.

Раззадорил меня сосед Ильич, такой же, как я, дачник — рассказал, где очень богатый и урожайный черничник находится, и корзину, большую, грибную, полную черники отборной, предъявил: заявил, что за два часа набрал. Вся черника в той корзине была размером чуть ли не с вишню горбатовскую.

Известно, что все наши деревенские промысловики скрывают места свои заповедные: и грибные, и ягодные, и места для рыбалки уловистые никому никогда не покажут. А вот городские дачники запросто поделаются такими секретами.

Это вон у нас в деревне дурак один рассказал всему свету, что поймал в нашей речке стерлядку на полтора килограмма, и фотографию свою с этой стерлядкой в интернете разместил. Так уж через две недели весь берег нашей речки на десять километров и вверх, и вниз по течению был палатками уставлен — штук двести: понаехало рыбаков и туристов на своих автомобилях от Прибалтики до Урала — и всем стерлядь подавай.

Так вот, сосед мой Ильич рассказал, как пробраться к тому черничнику урожайному, чтобы в болоте не застрять, которое там же, в районе заброшенной деревни Ершихи, расположено. Да и не болото это по большому счету, а просто огромные поляны, мхом да ягодниками заросшие. И брусничник, и черничник, и

клюква там отменные, и белых грибов, когда сезон, там столько, что хоть косой коси. Но наши, деревенские, все равно те места не любят, и я долго не мог понять, отчего так.

Взял я с собой небольшую корзиночку плетеную, с которой за маслятами в соседний ельник хожу, и поехал на машине до той самой деревни заброшенной: она немного в стороне от трассы была. Оставил машину я прямо около избы какой-то, досками заколоченной, и — за ягодами. Сначала с пару километров вдоль старого елового бора прямо по кромке шел, а дальше, в низине, уже и заросшие мхом полянки начались, и ягоды появились. Только больно хотелось мне до того самого заповедного места добраться, про которое Ильич рассказал.

Добрался. А уже через пятнадцать минут пожалел я, что не взял с собой большую корзину-боковушу: ягоды с кустиков свисали такими гроздьями, что ладонью проводишь — и ладонь полная. Поляна была огромная, в несколько футбольных полей, и редко-редко по ней торчали старые голые подгнившие хлысты небольших березок и желтели уже по-осеннему редкие осинки.

Только забылся я как-то. А может, и не забылся, а просто судьба нас свела: вздрогнул я, когда рывкнула на меня здоровенная медведица. Я поднял голову: она стояла от меня метрах в двадцати на задних лапах, чуть-чуть пританцовывая, и рядом с ней полулежал довольно крупный сынок ее и лакомился ягодами. Припомнились мне все правила, которыми пичкают нас средства рекламы и пропаганды: что надо закричать громко-громко и что нельзя смотреть животному в глаза, и еще всяких глупостей мешок. Только вот что делать с ногами, которые отнялись, — не было совета. А они отнялись напрочь!

Может, оно и хорошо, а то бросился бы я бежать, а медведица бы бросилась за мной, и чем бы все это кончилось — непонятно. Да и здесь, на этой волшебной ягодной поляне, непонятно чем должно было все это закончиться, а только вдруг у меня из-за спины вышел мой кот Баюн. Я его узнал. Он был очень сердит и огромен. Сначала он показался мне сравнимым по размерам с крупной рысью или, может, с манулом, которого я никогда не встречал, а только по фо-

тографиям и знаком был. Но когда мой Баюн зашипел, а потом и зарычал на медведицу, то он сразу же вырос до размеров большого быка. Притом цвет его шерсти стал черным с необычным стальным отливом. Мне показалось, что со мной что-то случилось, что это мираж или видение какое-то на меня нахлынуло. Но нет, медведица шлепнула свою детку лапой, и они вскачь вместе удрали по поляне в сторону дальнего леса. В тот момент медведица почудилась мне мелкой проказницей по сравнению с моим котом Баюном.

Казалось, что это наваждение должно было сразу же схлынуть и все встать на свои места, но мой кот Баюн, лишь чуть-чуть уменьшившись в размерах, — я прикинул, метр в холке и полтонны живого веса! — отправился восвояси, шепнув мне доверительно басом: «Привет!»

Голова моя от тумана быстро очистилась, и силы в ногах появились. Прихватив свою корзиночку с ягодами, я незамедлительно отправился домой.

Черныш, или мой вполне домашний кот Баюн, встречал меня на крыльце и сразу полез ласкаться. Я, конечно, решил никому ничего не рассказывать про мои лесные приключения, чтобы не выглядеть дураком, как тот мужик со своей стерлядкой. Может, действительно у меня что-то с головой случилось в тот момент, ведь на болотах выделяется какой-то «веселящий газ». Вот я, наверное, того газа и надышался. Так я и решил.

А только уже вечером, когда я вышел покутить перед сном, мой кот Баюн подошел ко мне, потерся ухом о ногу и, хитро, с прищуром посмотрев на меня, пробормотал: «А здорово я ее сегодня припугнул, эту медведицу?..»

ЦИЦИМОРА В ГОСТЯХ

Как-то раз пришлось Ивану Савельевичу заночевать в лесу. В общем-то, обычное дело для охотника, ничего особенного: добираться до точки иной раз долго приходится да и момент зорьки важно не пропустить, когда сам уже на месте. Часто даже приходится планировать такую лесную ночевку. Вот на глухариные тока у нас всегда и приходится с ночевкой выбираться. А тут глупость какая-то приключилась, и рассказал он мне про нее почти по секрету.

Сам он, Иван Савельевич, по рождению человек деревенский, родился он здесь, у нас, на Ветлуге. Да вот судьба армейская, офицерская сделала его не поймешь кем: чуть ли не двадцать с лишним лет мотался по гарнизонам, а теперь жену похоронил, двоих сыновей своих в военные училища пристроил — тоже офицерами будут. Только дом свой родной в родной деревне не сохранил, сгорел он у него. Как так сгорел? Да вот так сгорел, как и тысячи наших деревенских деревянных домов по Руси каждый год горят, — просто так горят. И ездит он теперь в свою деревню в гости к своему приятелю старинному, другу детства и даже какому-то дальнему родственнику по сватовству — к Кольке Дыркину. Тот тоже теперь холостой: овдовел.

В прошлом году слой белого гриба у них по району прошел, но как-то странно: на левом берегу нашей реки Ветлуги, в старых вековых дубравах, где по осени медведи на дубах сидят и желуди обтрясают, грибов хоть косой коси. А тут, на этом берегу, где деревня стоит, — нет. Вот и попросил он Кольку, друга своего, перебросить его на тот берег, а где-нибудь часика через четыре назад забрать. Тот перевез его на своей лодке, сверили они часы и договорились, когда Колька за ним приедет, потому что телефонной мобильной связи там, в лесу, нет или очень уж она плохая.

Вот тут и случился с Иваном Савельевичем

этот казус: заплутал он, заблудился, значит. Бродил-бродил, грибов довольно набрал, а вышел на берег не напротив своей деревни, а почти на десять километров выше по течению да еще и припозднился, к вечеру уже. Какое-то озеро большущее попало, от старицы, видимо, осталось — пришлось обходить его. Ветлуга в том месте была широкая, плесметров сто, а может, и шире — вброд не перейдешь, а не поплывешь же в одежде, да еще с корзиной в руках. По берегу до деревни идти и потом кричать, чтобы перевезли, — часа три протопашешь по берегу: коряги да топляки на каждом шагу.

Уселся Иван Савельевич на песочек прибрежный передохнуть и смотрит: невдалеке стоит невзрачная старенькая и небольшая засидка — шалашик такой из осоки, прутьев лесных и камыша — с весны еще уцелела. Возможно, какой-то охотник здесь весной в половодье с ружьишком и подсадной уткой сидел.

Ноги тоскуют, голова гудит. Забрался Иван Савельевич в этот шалашик недолго думая: уж очень уютным ему этот домик лесной внутри показался. Ночь теплая выдалась, светлая, хоть и без луны. Звезды яркие, здоровенные, как фонари, будто спустились с небес. Смотрел он на них, смотрел сквозь прутья шалашика да и задремал.

Проснулся от того, что кто-то ходил рядом с его ночной сторожкой, — осторожно ходил и тихонько по-старушечьи кряхтел: «О-хо-хо-хо-хой!» Понимает Иван Савельевич: тот, кто похаживает рядом с шалашиком и кряхтит по-стариковски, знает, что он тут: ноги-то в сапогах торчат из шалашика, — а вылезать из укрытия своего боится.

Побродил-побродил незнакомец вокруг, покряхтел-покряхтел да и отправился восвояси. А дело к рассвету уже. Вылез Иван Савельевич из ночлежки негаданной, осмотрелся — корзина с грибами на месте. А вот на песке натоптано, да не просто натоптано, а следы очень непонятные: как куриные, только размером побольше. И не просто побольше, а такие, что ладонью-то и не закрыть. Крупные следы, в общем!

Прикинул про себя Иван Савельевич, какого размера эта курица должна быть, и поче-

му-то припомнилась ему картинка из старой детской книжки про динозавров: большая, стало быть, пичуга вокруг его ночлега ночью бродила. И тут же мелькнула мысль, от которой нехорошо стало: а не в ее ли, этой пичуги, гнезде он ночевал-то сегодня?..

Ополоснул лицо из речки Иван Савельевич да руки в воде потер, а тут и помощь приплыла на лодке-казанке: рыбачки знакомые на моторке возвращались с рыбалки ночной домой, в деревню. Помахал им рукой Иван Савельевич, те остановились, захватили с собой.

Колька Дыркин, злой, сидел у себя в саду под вишнями. Был у него там, в саду то есть, под вишнями, специальный небольшой столик со скамеечкой для отдыха мужского.

— Всю ночь не спал: с вечера эти сволочи комары зудели-звенели, потом эта сволочь болотная приползла, а под утро мухи злые кусать начали, как осенние.

Колька Дыркин вроде бы даже не удивился прибытию Ивана Савельевича, как будто так и должно быть: чего особенного — человек заблудился в лесу, под елкой заночевал, бывает! Только вдруг он вытаскивает из-под стола бутылку — настоящую бутылку, ту самую настоящую «четверть», — и ставит ее на стол. Пусть и не полная она была, но даже полбутылки самогонки — синей самогонки — с утра — не похоже это на аккуратного и трезвого Кольку Дыркина.

— Ты чего это, Николай? — спросил у товарища Иван Савельевич. — Что за праздник у тебя? Да и вино-то у тебя какое-то красивое... голубое. Ты где раздобыл такое? Или сам на цветочках васильковых настаивал?

— Праздника, Ваня, у меня нет, — отвечал Николай. — А вот у тебя — будет!

— А какой же у меня праздник-то, Коля? Да подожди ты бутылку-то открывать. Давай грибов, что ли, пожарим с картошкой, с луком, а потом и посидим, если такое дело случилось и бутылка на столе оказалась.

— Ну иди жарь свои грибы. Лук-репку под столом на кухне найдешь. А лучше давай меня сначала послушай, а потом уже решишь, что тебе делать сразу, а что — потом, — и Николай снова в руки берет бутылку со стола и снова начинает ее открывать.

— Да стой ты с бутылкой своей. Я же не могу вот так натошак, без закуски пить это ваше местное вино. Как вы тут умудряетесь из красной обычной свеклы эту вот замечательную голубую жидкость изготавливать? Она же розовой должна быть.

— Ничего-ничего, и синенькой выпьешь стопочку, а рукавом занюхаешь. Сейчас я огурчиков малосольных выставлю: соседка Соня выдарила из своих запасов банку. Тебе надо выпить, Ваня! А как мы ее делаем, синенькую, я тебе потом расскажу.

Николай вытащил из ящика, что стоял у него под столом, банку с огурцами, две стограммовых граненых стопки и наполнил их. Протянул он одну Ивану Савельевичу со словами:

— Давай выпивай, а потом будешь мне рассказывать, где ты ночевал сегодня, кого ты со своей мягкой лежанки согнал...

Иван Савельевич даже поперхнулся, не успев проглотить полностью свою дозу. И слезы у него потекли. А Николай, напротив, очень медленно и со вкусом выпил.

— А тебе кто говорил, где я ночевал?

— Эх, Ваня, Ваня... Дурак ты, дурак — не знал ты, в чей домишко залез ночевать сегодня.

— И в чей же домишко я залез? — поинтересовался Иван Савельевич, вдруг раздухарившись и согрившись после первой рюмки самогонки, и вспоминая дырявый, полуразвалившийся шалаш.

— А это был шалаш Кикиморы болотной. Слышал про такую?

— Ты чего, с ума, что ли, сошел? Какой такой Кикиморы?

— Болотной Кикиморы! — пояснил Николай. — Слышал про такую, я спрашиваю?

— Ну в детстве бабушка что-то рассказывала, наверное... Я не помню уже. Так это же в сказках русских все было давным-давно прописано.

— Бабушка, Ваня, у нас с тобой была, если и не одна и та же, то точно, что очень одинаковые, а может быть, и родственницы. А вот к тому, что в сказках пишется, надо относиться очень и очень внимательно. С самого ранья, еще не рассвело, припоролла она, в окошко стучит. Глянул я и узнал ее. Рассказала она мне все про ночевку твою, бутылку в руки сунула и го-

ворила, что будет ждать тебя. Иди в избу — она на диване твоём спит.

Иван Савельевич смотрел на своего Колю Дыркина как на сумасшедшего или на дурака, но тот налил в стопки своей голубой самогонки, они, не чокаясь, снова выпили. А после пошел Иван Савельевич в дом, как Коля и велел.

На его диване, — точнее, на том диване, который Коля выделял всегда Ивану Савельевичу на время пребывания в гостях в качестве спального места, — покрытая легким покрывалом, спала молодая интересная женщина лет тридцати. Длинные русые волосы ее с отливом в золото разметались, пушистые ресницы подрагивали, а сама она чуть заметно улыбалась во сне. Иван Савельевич тоже заулыбался, оценив прекрасную шутку Николая, и он уже разворачивался, чтобы пойти и выпить с ним очередную стопку, но взгляд его задержался...

Из-под покрывала торчали ноги незнакомки — не женские завлекающие аккуратненькие ножки, и вообще не человеческие ноги — это были куриные лапы с когтями и с чешуйками, только огромной величины. Иван Савельевич посмотрел зачем-то на свою растопыренную ладонь и покачал головой, пытаясь что-то стряхнуть. Весь он покрылся мурашками, и волосы на голове топорщиться начали — он это прямо почувствовал.

Слышал он, конечно, про галлюциногенные грибы — наркоманы их используют для кайфа, якобы растут такие в наших лесах... Но ни разу Иван Савельевич этих грибов не видел и даже не представлял, какие они из себя. Да и не ел он вчера никаких грибов.

На болотах бывает, что выделяется какой-то дурмящий газ, от которого тоже галлюцинации могут образоваться в воображении, но до болота он тоже вчера не добрался. Только вот эта дурацкая голубая самогонка могла что-то с его мозгами сотворить. Сколько раз он уже слышал, что старухи в самогон всякую дрянь добавляют, чтобы дурел клиент быстрее.

— Это что означает? — спросил Иван Савельевич у Николая, подходя к столу.

— Ничего. Вот спит, тебя ждет, — отвечал тот, наливая в стопки.

— Послушай, а вот эту бутылку самогонки тебе эта дамочка вручила, что сейчас там отдыхает?

— Да, она мне ее подарила. А отдыхает она не у меня, а у тебя.

— В смысле? — не понял Иван Савельевич.

— А в том смысле, что пришла она в гости к тебе, хотя бутылку, как ты выражаешься, вручила мне.

— Так у нее же ноги...

— Ваня, это Кикимора! — перебил Николай.

— А не могла она в самогонку какого-нибудь дерьма насыпать, чтобы мы быстрее одурели? Я слышал, что некоторые старухи настаивают свою самогонку на голубином говне, и тогда с такого пошла человек дуреет сразу на несколько дней.

— Нет, Ваня, этой дамочке, как ты ее зовешь, незачем голубиные какашки в самогон подмешивать. Она и без какашек любого из нас в кашку превратит, я знаю это, — заверил Николай.

— Так ты ее знаешь?! — смекал Иван Савельевич.

— Знаю, Ваня!

— И откуда она?

— Из лесу, Ваня!

— В смысле?!

— Это наша Кикимора болотная, Ваня! — пояснил Николай. — Ты что, так и не понял? Она к тебе пришла. И она от тебя не отстанет, пока не получит свое.

— А чего ей от меня надо? — еще больше удивился Иван Савельевич.

— Она редко на людей выходит, эта Кикимора наша, — раз в несколько лет, — рассказывал Николай. — Если она напугать кого-то хочет или отвадить от места, то она старухой страшной притворяется и пугает: и волосы лохмами, и одета в рвань, и нос крючком, и говорит скрипучим голосом, как Баба Яга. Если наказать она кого-то хочет, то деревом прикинется или пеньком, или кочкой болотной, а вот когда по-женски ей что-то надо, то является красавицей — женщиной такой в соку.

— Понял я. Наливай! — велел Иван Савельевич. Николай налил, а тот опять спросил: — Так, а чего же ей от меня надо?..

— Ваня, ну а чего всем женщинам от мужиков надо?.. — ухмыльнулся Николай.

— Денег, — выдал Иван Савельевич первое, что на ум пришло.

— Нет! Тут бери выше! Ей тебя надо. Так что давай выпивай и иди в избу! Да не бойся ты, баба как баба!

— А у тебя что, такое было уже?

— Было, — признался Николай. — Зинка моя еще жива была. Знаешь, как она плакалась-убивалась, жалела меня. А ничего! Ничего у меня не убавилось. Так что иди к судьбиношке своей. У тебя два варианта: либо ты выпиваешь и идешь мигом в объятия к Кикиморе, либо выпиваешь и уезжаешь отсюда навсегда. Потому что если ты сейчас к ней не зайдешь, а потом вернешься сюда к нам, то она тебя уже либо в болоте утопит, либо в лесу до смерти заплутает, — язык у Николая стал заплетаться. Он выпил еще стопку, уронил голову на стол и сразу захрапел.

Иван Савельевич тоже выпил стопку, взял корзину с грибами и отправился было восвояси. Да что-то засомневался вдруг. Торкнул он дверь в избу, зашел: и диван его у стены стоял, — как всегда стоял, и чистенько все, и даже намека никакого не было на ту даму, что привиделась ему с полчаса назад. Только на столе стояла банка литровая стеклянная, а в ней четыре желтых кувшинки болотных торчали: тоже явление непонятное. Да только махнул рукой Иван Савельевич на всю эту историю и отправился на станцию...

БУХ ДУБОВЫЙ

Объяснить этимологически происхождение некоторых русских междометий невозможно. Вот наши мамы, и сердитые, и добрые, и нежные, часто говорят своим чадам, пытаясь их напугать или предостеречь: «ах», «бах», «трах», «ух» и, наконец, «бух»! Так вот «ах» — это удивление, «бах» — это взрыв, «трах» — это выстрел, «ух» — восторг, а что такое «бух» — понять не могу. Хотя глагол «бухать», что значит «выпивать», мне очень хорошо знакомо, но вряд ли он имеет отношение к этому злосчастному междометию. А вот у глагола «бúхнуть», который обозначает возможность упасть и ушибиться, что-то очень даже родственное есть с пресловутым «бух», который употребляют наши заботливые и внимательные мамы. Хотя наши мужики бухают, может быть, именно для того, чтобы упасть и заснуть.

Сидя на мелкой колючей траве под пышными красавицами, молодыми трехметровыми сосенками, я делился рассуждениями на эту тему — если не слово в слово, то очень близко по смыслу — со своим товарищем Сашей. Мы ходили с ним за рыжиками, нашли их целую поляну, нарезали по полной корзине и отдыхали перед дорогой домой.

В наших краях рыжики вылезают раз в пять-шесть лет поздней осенью, и ухватить их слой — большое счастье, потому что, по местным понятиям, которые и я признаю, рыжик — гриб номер один для наших лесов. Белый гриб боровик все же располагается ступенькой ниже, да и бывает он почти каждый год, просто места надо хорошо знать. А подберезовики и маслята в березовых гривах и сосняках стоят чуть ли не круглый год, и местные за промысел серьезный их не считают: ну растут и растут они себе и пусть растут.

И вдруг, когда я уже весь монолог из себя выдавил наружу и замолчал, Саша мой как-то встrepенулся, привстал и говорит:

— А вот у нас в деревне никаких проблем с этим твоим бухом нет, не было и быть не может.

— Это как это? — спрашиваю я.

— А так это, — отвечает мне Саша. — У нас есть свой Бух, вполне определенный и всем населением нашей деревни вполне осознанный. И во всех соседних деревнях тоже.

— То есть?.. — не понял я.

— Ну, знаешь, все эти края, которые называются Поветлужьем, угро-финскими племенами были испокон веков заселены, точнее — марийскими, — объяснял Саша, — и названия у половины речек и деревень тут марийские, и понятия марийские. А ты понимаешь это?

— Нет, что-то я и не задумывался, — признался я.

— Ну так русские со своим православием пришли сюда совсем недавно — лет триста, не больше. И к тому же в большинстве своем это были старообрядцы-беспоповцы: бежали они сюда, в леса, от розыска царского и прятались тут, начиная с семнадцатого века. Потому все равно подавляющее большинство коренного населения здесь в глубине души оставались самыми настоящими язычниками. Посмотри, что здесь делается на озере Светлояр в ночь на Ивана Купалу: и костры, и бесовские игрища, и венки по воде плывут...

— Это я все видел. Только при чем здесь «бух» и какое он имеет отношение к игрищам на Светлояре? — опять не понял я.

— Вот это ты хорошо сейчас сказал, что Бух — это он!

— В смысле?

— А в том смысле, — подхватил Саша, — что про Кереметь ты, наверное, слышал. Это как бы общее название главного марийского божества, да и не божества, а места поклонения высшим силам, и не только у марийцев, а и у мордвы, и у чувашей такие места есть. Часто местами таких сакральных священнодействий становятся отдельные деревья или даже целые рощи, и их обижать и оскорблять какими-то словами и поступками своими нельзя! Вот у нас тут как-то рассказывали, что мужик один — это еще сразу после войны дело было — украл у одной вдовы-фронтовички поросенка. Причем на виду у всех украл и убежал. Мужики побежа-

ли за ним: кто с дубьем, кто с вилами, а один так вроде как даже с ружьем. А тот жулик понял, что не убежать ему, бросил он поросенка, а сам под липу такую вот священную и здоровенную, которую все местные почитали, и сел. Эта липа росла отдельно в поле недалеко от деревни, и размеров она была фантастических. Мужики с кольями да с вилами подбежали к вору, а тот сидит спокойно под липой и — ничего. И мужики — ничего: нельзя человека под таким священным деревом обижать: как бы под защитой он! Так и ушли они ни с чем назад в деревню, к себе. А мужик тот, жулик, посидел-посидел под липой и тоже пошел себе подобру-поздорову.

— Это ты к чему мне эту историю рассказал? — спросил я у Саши.

— А к тому, что старуха, от которой я эту историю слышал, говорила, что вора того Бух спас.

— Может быть, Бог? — попробовал поправить я.

— Вот и я тогда подумал так, — кивнул Саша.

— А она, старуха та, мне внятно и объяснила, что именно Бух — так у них в тех краях покровителя лесного зовут. Я тогда еще там, в тех краях то есть, и жил, а сюда переехал, когда уже женился. Так вот с удивлением через несколько лет я узнал, что и здесь лесного хозяина зовут так же — Бух.

— И что же, ты его видел? — поинтересовался я. — Или кто-нибудь из местных? И где же он обретается, этот Бух?

— Нет, я не видел, а где обретается он и живет, то есть где постоянное место пребывания его, — это могу рассказать, — ответил Саша и сразу предупредил: — Только не советую тебе ходить туда — замучает он тебя потом.

— А что, примеры тому уже были?

— Ну... — Саша чуть замялся. — Я сам не сталкивался, но поговаривали. А вообще-то, местные все про такие дела не любят говорить, и тебе я не советую, если ты с местными хорошие отношения хочешь сохранить. Лучше уж помалкивай почаще.

— Понял, — сказал я, — давай ближе к делу, про Буха.

— Так вот слушай. Выше по течению нашей реки, на другом берегу, на марийском, где-то километров через пять или семь, начинается глинистый обрывистый берег, крутояр прямо. Если

присмотреться, то видно даже с реки, что в том месте растут дубы. Причем дубы там старые — столетние или даже старше, что называется, реликтовые. Пристать там на лодке к берегу можно, хотя и сложно: весь берег в корягах да в топляках, в деревьях, упавших, полузатопленных. Но при желании и на берег вылезти можно!

— А зачем? — недоумевал я.

— Там, в этой дубраве, самое грибное место у нас, то есть в наших краях. Только никто туда не ходит. Роща та, по марийским понятиям, священная, — рассказал мне Саша.

В общем, не понял я в тот раз ничего ни про Буха, ни про дубовую реликтовую рощу. А только уже через год получилось так, что возвращался я с рыбалки на лодке вдоль того места, про которое рассказывал мне Саша, — того самого, куда в половодье прибывает подмытые и сваленные весенним паводком деревья. Я даже удивился огромному их количеству. И какое-то любопытство еще меня в тот момент разобрало.

Заглушил я мотор на своей моторке и на веслах кое-как продрался сквозь коряги к берегу. Вершина откоса с торчащими корнями прямо нависала над рекой, я с трудом нашел место, где можно было выбраться наверх.

По самому краю над обрывом росла трава, мелкий кустарник, а чуть дальше шел удивительной красоты дубовый лес. Сейчас попробую пояснить. Деревья были все похожи друг на друга, что редко в природе бывает: по полметра в диаметре, может, чуть больше. И ровные они, без сучков, как сосны, до самой кроны, которая начиналась где-то очень высоко — что называется, строевые. Отстояли дубы друг от друга метров на десять-пятнадцать, а земля под ними была будто выложена густым многолетним слоем листьев — прямо подушка пружинила под ногами. И ни травы, ни кустов заметных каких-то не видно было. Только кое-где на зеленых травинках красные ягодки костяники поблескивали. И еще удивительная тишина там стояла; я заметил это сразу: ни птицы не свистели, ни шум реки не доносился, и ветер даже вроде бы стих. Воздух был там прозрачен, и роща просматривалась чуть ли не насквозь.

Я прошел с пару десятков метров в глубь леса

и сразу же увидел несколько белых грибов: они все были просто восхитительны, хотя белые и так славятся своей фотогеничностью. Я присел, чтобы полюбоваться одним из боровичков, огляделся и понял, что попал в какое-то грибное царство: вокруг торчало несколько десятков таких же крутобоких красавцев.

У меня с собой не было ни ножа, ни корзины, но меня охватила какая-то страсть грибника: я снял с себя майку, завязал ее узлом, превратив в мешок, и с жадностью стал срывать грибы, пока не набил ее полную. И тут я заметил, что среди деревьев стали появляться какие-то необычные язычки тумана. Я закрыл глаза, потряс головой, и туман пропал — значит, он проявился не случайно, и не в лесу, а в моей голове! И тут я впервые услышал — «бух»! Причем совершенно четко я смог зафиксировать, что этот «бух» возник у меня в голове, а не был звуком, пришедшим ко мне извне. Я огляделся и вновь увидел облачка непонятного тумана: размером, то есть объемом, они были уже больше меня, и их было не один, не два, а много, и они имели вполне определенные очертания и габариты, которые в то же время постоянно менялись, а это-то больше всего меня и смущало. Точнее, это стало меня пугать почти сразу же.

Вновь я закрыл глаза, потряс головой, услышал там «бух», и все образы из тумана вдруг пропали. Я хотел где-нибудь присесть и покурить, перед тем как идти к лодке и ехать домой, но не смог — чувствовал, что за мной точно кто-то наблюдает. Хотя так же я абсолютно уверен был в том, что вокруг меня нет ни одной живой души. Но я чувствовал этот чужой и недовольный взгляд! Нет, не взгляд, а не одобряющее внимание. И только в этот момент я вспомнил про наш прошлогодний разговор с соседом Сашей про Буха. И тут я снова услышал «бух». А точнее, даже не услышал, а почувствовал это внутри, в голове! Хотя и вздрогнул я, и испугался уже, потому что этот «бух» был уже совершенно четким предупреждением мне — понял я это.

Мне захотелось побыстрее выбраться из этой загадочной дубравы и попасть домой, хотя очень красивый лес там был — любоваться можно, а словами не передашь.

Приехал я к себе в деревню и, не заходя в избу, выложил весь свой грибной урожай на летнем столе, что для всяких хозяйственных нужд торчал у меня под окнами в огороде. А сам прошел в дом, чтобы переодеться да умыться с дороги. И — что бы вы думали! — у меня и на кухоньке, и в большой комнате обнаружилось уже знакомые мне обитатели — те, которые в лесу меня встречали, — большие клубы тумана или дыма. Они меняли форму, размеры, то сливаясь друг с другом, то разделяясь, казались мне то прозрачными и невесомыми, то какими-то плотными и вроде бы вполне осязаемыми. И в голове у меня вдруг как что-то лопнуло — «бух» и еще раз «бух». Только стоило мне потрясти головой, как все эти туманы или дымы, наполнявшие комнату, пропали.

Читал я когда-то про отравление кислородом или озоном, или просто свежим воздухом, что с непривычки случается с городскими жителями на природе. Только я уже не первый день здесь живу, в деревне, и потому такое не могло со мной произойти. Какие-то непонятные сомнения стали закрадываться у меня в голову.

Я умылся и через сени вышел в огород. Около стола с моими замечательными белыми грибами стоял сосед Саша.

— Где это ты наломал таких красавцев? — спрашивает. — Вроде и не сезон еще пока для белых, а тебе вон как подвезло...

— А помнишь, — отвечаю я, — в прошлом году ты мне рассказывал про дубовую рощу, что стоит на том берегу, на марийском, которую они считают своей священной?

— Да, есть там такое дело. Так ты там, что ли, был?

— Да, вот только что вернулся, и белых там наломал. Там их какое-то безумное количество, и красивые все такие.

Я смотрел на Сашу, а он — на меня. И не мог я понять, почему он молчит, и причем как-то по-особенному молчит.

Наконец я спросил:

— Ты чего молчишь, Саша?

— А у тебя в доме все в порядке?

— В порядке, — ответил я и, будто запнувшись, уставился на него.

— Что замолчал?

— Да ничего! — ответил я. — Там у меня в доме туман какой-то.

— Да, туман! — задумчиво произнес Саша. — Вот слушай меня теперь внимательно. Эти твои белые грибы — дети того Буха дубового, про которого я тебе говорил. И вот этот наш Бух живет в той священной марийской роще.

— Так как же, Бух-то — наш, выходит? — спросил я.

— Да, Бух дубовый — наш, — Саша подтвердил, — а живет он в священной марийской роще. Нравится ему там.

— И что же мне теперь делать? — я был в растерянности.

— Не знаю! — сказал Саша, а потом спохватился: — А вообще-то, знаешь, что я тебе посоветую?.. Возьми корзинку, сложи туда всю добычу сегодняшнюю и отвези назад, в ту дубраву. Оставь там. Больше я тебе ничего не смогу подсказать. Ну и еще никому и никогда не рассказывай всю эту историю. А впрочем, как хочешь...

Я выполнил все, что мне посоветовал Саша, — слово в слово, шаг в шаг: грибы сложил в свою собственную добротную корзину, отвез их на место. В отличие от прошлого раза, коряги у берега мне совсем не мешали, по крутояру наверх нашел удобные приступки. Оставил

я корзину под ближайшим дубом, рядом с тройкой симпатичных боровичков, услышал в голове своей, точнее, почувствовал дежурный уже и привычный «бух» и поспешил домой.

За то непродолжительное время, что был в этой дубовой роще во второй раз, я, настроенный на что-то сверхъестественное, уже смог физически ощутить ее силу, величие и неземной магнетизм, который затягивал меня, если так можно выразиться. Хотя я сразу понял, что поделиться этими эмоциями я никогда ни с кем не смогу — по крайней мере, мне или не поверят, или не поймут.

И все же, спускаясь вниз, к своей лодке, я неудачно оступился, подвернул ногу и даже упал. Это было намеком мне на присутствие некой силы и даже, как оказалось, памяткой небольшой.

Не поверите! Вернувшись в город, пришлось сходить к врачам, показать распухшую ногу и сделать рентгеновский снимок: трещина в голени показала специалистам нехорошей, и они наложили мне гипс. Вот тебе и Бух дубовый!

□

Олег Алексеевич РЯБОВ

родился в 1948 г. в Горьком.

Окончил политехнический институт по специальности «радиоинженер».

Поэт, прозаик. Публикуется с 1968 года.

Автор девятнадцати книг.

Печатался в журналах «Север», «Наш современник», «Юность», «Нева», «Нижний Новгород», «Всерусский собор», «Молодая гвардия» и др.

Лауреат ряда литературных премий:

«Нижний Новгород» в области литературы (трижды),

им. В. Шукшина «Светлые души» (Вологда),

им. Б. Корнилова (Нижний Новгород), «Болдинской премии».

Главный редактор журнала «Нижний Новгород».

С 2002 года член Союза писателей России.

Живет в Нижнем Новгороде.

